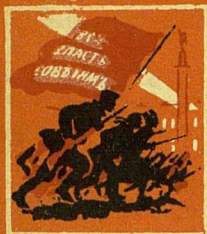
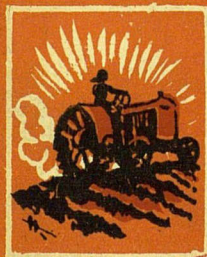

В. МАЯКОВСКИЙ

ХОРОШО!

ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЭМА

ДЕТГИЗ 1949

*Владимир Владимирович Маяковский.
На выставке „20 лет работы“ 1 февраля 1930 г.*

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

М 392

В. МАЯКОВСКИЙ

ХОРОШО!

О К Т Я Б Р Ь С К А Я
П О Э М А

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

Обложка, заставка, концовка
Н. КОЧЕРГИНА

~~42323~~

~~1957-58 г.~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА СОТНОЙ КНИЖИ
ДЕТРИСА~~

1

Время —
вещь
                    необычайно длинная:
были времена —
                    прошли былинные.
Ни былин,
                    ни эпосов, *
                                ни эпопей. *
Телеграммой
                    лети,
                                строфа!
Воспаленной губой
                                припади
  и попей
из реки
                    по имени — „Факт“.
Это
                    время гудит
                                телеграфной струной,
это
                    сердце
                                с правдой вдвоем.

* Объяснения и примечания на стр. 87.

693822 КХ ред

Это было
с бойцами
или страной,
или
в сердце
было
в моем.
Я хочу,
чтобы, с этою
книгой побыв,
из квартирною
мирка
шел опять,
на плечах
пулеметной пальбы,
как штыком,
строкой
просверкав.
Чтоб из книги,
через радость глаз,
от свидетеля
счастливого, —
в мускулы
усталые
лилась
строящая
и бунтующая сила.
Этот день
воспевать
никого не найдем.
Мы
распнем
карандаш на листе,
чтобы шелест страниц,
как шелест знамен,
надо лбами
годов
шелестел. —

„**К**ончайте войну!

Довольно!

Будет!

В этом

голодном

году —

невмоготу

Врали:

„народа —

свобода,

вперед,

эпоха,

заря...“ —

и зря.

Где

земля,

и где

закон,

чтобы землю

выдать

к лету? —

Нету!

Что же

дают

за февраль,

за работу,

за то,

что с фронтов

не бежишь? —

Шиш.

На шее

кучей

Гучковы, *

черти,

министры,

Родзянки... *

Мать их за ноги!

Власть
к богатым
рыло
воротит —
чего
подчиняться
ей?!..

Бей!!“
То громом,
то шопотом
этот ропот
сползал
из Керенской
тюрьмы-решета.*

В деревни
шел
по травам и тропам,
в заводах
сталью зубов скрежетал.
Чужие
партии
бросали швырком.

На что им
сбор
болтунов
дался?!

И отдавали
большевикам
гроши,
и силы,
и голоса.

До самой
мужичьей
земляной башки
докатывалась слава, —
лилась
и слыла,

что есть
за мужиков
какие-то
„большаки“ *

— у-у-у!
Сила! —

Царям

дворец

построил Растрелли.*

Цари рождались,

жили,

старели.

Дворец

не думал

о вертлявом постреле, —

не гадал,

что в кровати,

царицам вверенной,

раскинется

какой-то

присяжный поверенный.*

От орлов,

от власти,

одеял

и кружевца

голова

присяжного поверенного

кружится.

Забывши

и классы

и партии, —

идет

на дежурную речь.

Глаза

у него

бонапартьи

и цвета

защитного

френч.

Слова и слова.

Огнесловая лава.

Болтает

сорокой радостной.

Он сам
опьянен
своею славой
пьяней,
чем сорокаградусной.
Слушайте,
пока не устанете,
как щебечет
иной адъютантик:
„Такие случаи были —
он едет
в автомобиле.
Узнавши,
кто
и который,
толпа
распрягла моторы!
Взамен
лошадиной силы,
сама
на руках носила!“
В аплодисментном
плеске
премьер
проплывает
над Невским,
и дамы,
и дети-пузанчики
кидают
цветы и розанчики. —
Если ж
с безработы
загрустится,
сам
себя,
уверенно и быстро,
назначает —
то военным,
то юстиции,
то каким-нибудь
еще
министром,

И вновь
     возвращается,
                     сказану́в,
 ворочать дела
     и вертеть казну.
 Подмахивает подписи,
                     достойно
                     и старательно.
 „Аграрные?
     Беспорядки?
                     Ряд?
 Пошлите
     этот,
             как его, —
                     карательный
 отряд!
 Ленин?
     Большевики?
             Арестуйте и выловите!
 Что?
     Не дают?
             Не слышу без очков.
 Кстати...
     об его превосходительстве...
                                     Корнилове... *
 Нельзя ли
     сговориться
                     сюда
                     казачков?!..
 Их величество?
     Знаю.
             Ну да!..
 И руку жал.
     Какая ерунда!
 Императора?
     На воду?
             И черную корку?
 При чем тут Совет?
             Приказываю
                     туда,
 в Лондон,
     к королю Георгу“.

Открой окно,
да сядь ко мне".
— Кускова,
что с тобой? —
„Мне скушно...
Поговорим о старине".
— О чем, Кускова?
Я,
бывало,
хранила
в памяти
немало
старинных былей,
небылиц —
и про царей
и про цариц.
И я б,
с моим умишкой хилым, —
короновала б
Михаила.*
Чем брать
династию
чужую...
Да ты не слушаешь меня?... —
„Ах, няня, няня,
я тоскую.
Мне тошно, милая моя.
Я плакать,
я рыдать готова..."
— Господь помилуй
и спаси...
Чего ты хочешь?
Попроси.
Чтобы тебе
на нас
не дуться,
дадим свобод
и конституций...
Дай
окроплю
речей водою
горящий бунт... —
„Я не больна,

Я...

знаешь, няня...

влюблена..."

— Дитя мое,

господь с тобою! —

И Милюков

ее

с мольбой

крестил

профессорской рукой.

— Оставь, Кускова,

в наши лета

любить

задаром

смысла нету. —

„Я влюблена“ —

шептала

снова

в ушко

профессору

она.

— Сердечный друг,

ты нездорова. —

„Оставь меня,

я влюблена“.

— Кускова,

нервы, —

полечись ты... —

„Ах, няня,

он

такой речистый...

Ах, няня-няня!

няня! —

Ах!

Его же ж

носят на руках.

А как поет он

про свободу...

Я с ним хочу, —

не с ним,

так в воду“.

Старушка

тычется в подушку,

и только слышно:

„Саша!

Душка!“

Смахнувши

слезы

рукавом,

взревел усастый нянь:

— В кого?

Да говори ты нараспашку!—

„В Керенского...“

— В какого?

В Сашку? —

И от признания

такого

лицо

расплылось

Милюкова.

От счастья

профессор ожил:

— Ну, это что ж —

одно и то же!

При Николае

и при Саше

мы

сохраним доходы наши. —

Быть может,

на берегах Невы

подобных

дам

видали вы?

5

Звякая

шпорами

довоенной выковки,

аксельбантами *

увешанные до пупов,

говорили —

адъютант

(в „Селекте“ * на Лиговке)

но
 для социализма
 нужен базис.
 Сначала демократия,
 потом
 парламент.
 Культура нужна.
 А мы —
 Азия-с!
 Я даже —
 социалист.
 Но не граблю,
 не жгу.
 Разве можно сразу?
 Конечно, нет!
 Постепенно,
 понемногу,
 по вершочку,
 по шажку,
 сегодня,
 завтра,
 через двадцать лет.
 А эти?
 От Вильгельма * кресты да ленты.
 В Берлине
 выходили
 с билетом перронным.
 Деньги
 штаба —
 шпионы и агенты.
 В Кресты бы
 тех,
 кто ездит в пломбированном!
 — С этим согласен,
 это конечно,
 этой сволочи
 мало повешено. —
 „Ленин,
 который смуту сеет,
 председателем,
 што ли,
 совета министров?

Что ты?!

693822

2 В. Маяковский

17

Российская государственная
 детская библиотека

Рехнулась, старушка Расея?
Касторки прими!
Поправься!
Выздоровь!

Дудки!
С казачеством
шутки плохй —
повыпускаем
им
потроха“...

И всё адъютант —
ха да хи,
Попов —
хи да ха.

„Будьте дважды прокляты
и трижды поколейте!
Господин адъютант,
позвольте ухо:

их
...ревосходительство
...ерал
Каледин *

с Дону,
с плеточкой,
извольте понюхать!
Его превосходительство...
Да разве он один!?.
Казачество кубанское,
Днепр,
Дон...“

И всё стаканами —
дон и динь,
и шпорами —
динь и дон.
Капитан
упился, как сова.
Челядь
чайники
бесшумно подавала.
А в конце у Лиговки
другие слова
подымались
из подвалов.

„Я, товарищи,
из военной бюры.
Кончили заседание
то́ка-то́ка.
Вот тебе,
к маузеру,
двести бери,
а это —
сто патронов
к винтовкам.
Пока
соглашатели
замазывали рты,
подходит
казатчина
и самокатчина.
Приказано
питерцам
итти на фронты,
а сюда
направляют
с Гатчины.
Вам,
которые
с Выборгской стороны,
вам
заходить
с моста Литейного.
В сумерках,
тоньше
дискантовой струны,
не галдеть
и не делать
заведенья питейного.
Я
беру телефон, —
не задушим,
так нас задушат.
Или
возьму телефон,
или вон
из тела
пролетарскую душу.

Сам*
приехал,
в пальтишке рваном, —
ходит,
ником не опознан.
Сегодня,
говорит,
подыматься рано.
А послезавтра —
поздно.
Завтра, значит.
Ну, не сдобровать им!
Быть
Керенскому
биту и ободрану!
Уж мы
подыдем
с царёвой кровати
эту
самую
Александру Федоровну". *

6

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами,
как дуют
при капитализме.
За Троицкий
дули
авто и трамы,
обычные
рельсы
вызмеив.
Под мостом
Нева-река,
По Неве
плывут кронштадтцы...

От винтовок говорка
скоро

Зимнему шататься.
В бешеном автомобиле,
покрышки сбивши,
тихий,
вроде
упакованной трубы,
за Гатчину,
забившись,
улепетывал бывший. —

„В рог,
в бараний!
Взбунтовавшиеся рабы!..“

Видят
редких звезд глаза,
окружая
Зимний
в кольца,
по Мильонной
из казарм
надвигаются кексгольмцы. *

А в Смольном,
в думах
о битве и войске,

Ильич
гримированный
мечет шажки,

да перед картой
Подвойский *
втыкает
в места атак
флажки.

Лучше
власть
добром оставь,
никуда
тебе
не деться!

Ото всех
                                 идут
                                 застав
 к Зимнему
                                 красногвардейцы.
 Отряды рабочих,
                                 матросов,
   голи, —
 дошли,
                                 штыком домерцав,
 как будто
                                 руки
   сошлись на горле,
 холёном
                                 горле
   дворца.
 Две тени встало.
   Огромных и шатких.
 Сдвинулись.
                                 Лоб о лоб.
 И двор
                                 дворцовый
   руками решетки
 стиснул
                                 торс
   толп.
 Качались
                                 две
   огромных тени
 от ветра
                                 и пуль скоростей, —
 да пулеметы,
                                 будто
   хрустенье
 ломаемых костей.
 Серчают стоящие павловцы,*
 „В политику...
   начали...
   бáловаться...
 Куда
                                 против нас
   бочкаревским дурам?!*

Приказывали б
на штурм".
Но тени
боролись,
и лап спутав лапы,
никто
не разнимал и не рвал.
Не выдержав
молчания,
сдавался слабый —
уходил
от испуга,
от нерва.
Первым,
боязнью одолён,
снялся
бабий батальон.
Ушли с батарей
к одиннадцати
михайловцы или константиновцы... *
— А Керенский
спрятался,
попробуй
вымань его! —
Задумывалась
казачья башка.
И
редели
защитники Зимнего,
как зубья
у гребешка.
И долго
длилось
это молчанье,
молчанье надежд
и молчанье отчаянья.
А в Зимнем,
в мягких мебелих
с бронзовыми выкрутами,

сидят
министры
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.
На них не глядят
и их не слушают —
они
у штыков в лесу.
Они
упадут
переспевшей грушею,
как только
их
потрясут.
Голос — редок.
Шопотом,
знаками.
— Керенский где-то? —
— Он?
За казаками. —
И снова молча.
И только
под вечер:
— Где Прокопóвич? *
— Нет Прокопóвича. —
А из-за Николаевского
чугунного мостà,
как смерть,
глядит
неласковая
Аврорьих
башен
сталь. *
И вот,
высоко
над воротником
поднялось
лицо Коновалова. *

Шум, который
теперь тѣк родником,
прибоем наваливал.
Кто длинный такой?.. Дотянуться смог!
По каждому из стекол удары палки.
Это — из трехдюймовок
шарахнули форты Петропавловки.
А поверху — город как будто взорван —
бабахнула шестидюймовка Авророва.
И вот еще не успела она
рассыпаться, гулка и грозна, —
над Петропавловкой взвился
фонарь, восстанья
условный знак.
— Долой! На приступ!
Вперед! На приступ! —
Ворвались. На ковры!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы каждый выступ
брали, перешагивая
через юнкеров.

Как будто
                                 водою
                                 комнаты пѳлня,
 текли,
                                 сливались
                                 над каждой потерей,
 и схватки
                                 вспыхивали
                                 жарче полдня
 за каждым диваном,
                                 у каждой портьеры.
 По этой
                                 анфиладе, *
                                 приветствиями ѳранной
 монархам,
                                 несущим
                                 короны-клады, —
 бархатными залами,
                                 раскатистыми коридорами
 гремели,
                                 бились
                                 сапоги и приклады.
 Какой-то
                                 смущенный
                                 сукин сын,
 а над ним
                                 путиловец —
                                 нежней папаши:
 „Ты,
                                 парнишка,
                                 выкладывай
                                 ворованные часы —
 часы
                                 теперича
                                 наши!“
 Топот рос,
                                 и тех
                                 тринадцать *
 сгреб,
                                 забил,
                                 зашиб,
                                 затыркал.

Забились
     под галстук —
                     за что им приняться? —
 Как будто
     топор
                     навис над затылком.
 За двести шагов...
                     за тридцать...
                                     за двадцать...
 Вбегает
     юнкер:
         „Драться глупо“.
 Тринадцать визгов:
                     — Сдаваться!
                                     Сдаваться! —
 А в двери —
     бушлаты,
                     шинели,
                                     тулупы...
 И в эту
     тишину, —
                     раскатившийся всласть
 бас,
     окрепший
         над реями рея:
 „Которые тут временные?
                     Слазь!
 Кончилось ваше время“.
 А в Смольном
     толпа,
                     растопырив груди,
 покрывала
     песней
                     фейерверк сведений..
 Впервые
     вместо:
         — и это будет... —
 пели:
     — и это есть
         наш последний... —
 До рассвета
     осталось
         не больше аршина. —

руки
лучей
с востока взмолнены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
„Кончено...
В Смольный“.
Умолк пулемет.
Угодил толков.
Умолкнул
пуль
звонящий улей.
Горели,
как звезды,
границы штыков,
бледнели
звезды небес
в карауле.
Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами.
Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы,
уже —
при социализме.

7

В такие ночи,
в такие дни,
в часы
такой поры,
на улицах,
разве что
одни
поэты
и воры.

Сумрак
на мир океан катнул.
Синь.
Над кострами — бур.
Подводной лодкой
пошел ко дну
взорванный Петербург.
И лишь
когда от горящих вихров
шатался сумрак бурый,
опять вспоминалось:
с боков и с верхов
непрерывная буря.
На воду сумрак
похож и так, —
бездонна синяя прорва.
А тут
еще и виденьем кита —
туша Авророва.
Огонь пулеметный
площадь остриг.
Набережные — пусты.
И лишь хорохорятся
костры
в сумерках густых.
И здесь,
где земля от жары вязка,

с испугу
                                 или со льда,
 ладони
                                 держа
                                 у огня в языках,
 греется
                                 солдат.
 Солдату
                                 упал
                                 огонь на глаза,
 на клок
                                 волос
                                 лег.
 Я узнал,
                                 удивился,
                                 сказал:
 „Здравствуйте,
                                 Александр Блок.*
 Лафа футуристам,*
                                 фрак старья
 разлазится
                                 каждым швом“.
 Блок посмотрел —
                                 костры горят —
 „Очень хорошо“.
 Кругом
                                 тонула
                                 Россия Блока...
 „Незнакомки“,
                                 „дымки севера“
 шли
                                 на дно,
                                 как идут
                                 обломки
 и жестянки
                                 консервов.
 И сразу
                                 лицо
                                 скупее менял,
 мрачнее,
                                 чем смерть на свадьбе:

„Пишут...
                                 из деревни...
   сожгли...
   у меня...
 библиотёку в усадьбе“.
 Уставился Блок —
                                 и Блòкова тень
 глазеет,
                 на стенке привстав...
 Как будто
                 оба
                                 ждут, по воде
 шагающего, Христа.
 Но Блоку
                 Христос
                                 являться не стал.
 У Блока
                 тоска у глаз.
 Живые,
                 с песней
                                 вместо Христа,
 люди
                 из-за угла.
 — Вставайте!
                                 Вставайте!
   Вставайте!
 Работники
                 и батраки.
 Зажмите,
                 косарь и кователь,
 винтовку
                 в железо руки!
 Вверх —
                 флаг!
 Рвань —
                 встань!
 Враг —
                 ляг!
 День —
                 дрянь.
 За хлебом!
                 За миром!
                                 За волей!

Бери
     у буржуев
                         завод!
 Бери
     у помещика поле!
 Братайся,
     дерущийся взвод!
 Сгинь —
     стар.
 В пух,
     в прах.
 Бей —
     бар!
 Трах!
     тах!
 Довольно,
     довольно,
                         довольно
 покорность
     нести
                         на горбах.
 Дрожи,
     капиталова дворня!
 Тряситесь
     короны
                         на лбах!
 Жир
     ёжь
 страх
     плах!
 Трах!
     тах!
 Тах!
     тах! —

 Эта песня,
     перепетая по-своему,
 доходила
     до глухих крестьян —
 и вставали сёла,
     содрогая воем,
 по дороге
     топоры крестя.

— Но-
жи-
чком
на
месте чик

лю-
то-
го
по-
мёщика.

Гос-
по-
дин
по-
мёщикек,

со-
би-
райте
вёщи-ка!

До-
шло
до поры,

вы-
хо-
ди
бòсы,

вос-
три
топоры,
подымай косы.

Чем
хуже
моя Нина?!

Ба-
рыни сами.

Ташь
в хату
пианино,
граммофон с часами!

Под-
хо-
ди-
те, орлы!

Будя —
пограбили.
Встречай в колы,
провожай
в грабли!
Дело
Стеньки
с Пугачевым,
разгорайся жарче-ка!
Все
поместья
богачевы
разметем пожарчиком.
Под-
пусть
петуха!
Подымай вилы!
Эх,
не
потухай,
пе-
тух милый! —
Чорт
ему
теперь
родня!
Головы —
кочаном.
Пулеметов трескотня
сыплется с тачанок.
„Эх, яблочко,
цвета ясного.
Бей
справа
белаво,
слева краснова“.
Этот вихрь,
от мысли до курка,

и постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды.

8

Холод большой.
Зима здорова.
Но блузы
прилипли к потненьким.
Под блузой коммунисты.
Грузят дрова
на трудовом субботнике.
Мы не уйдем,
хотя
уйти
имеем
все права.
В *наши* вагоны,
на *нашем* пути,
наши
грузим
дрова.
Можно
уйти
часа в два, —
но мы —
уйдем поздно.
Нашим товарищам
наши дрова
нужны:
товарищи мерзнут.
Работа трудна,
работа
томит.
За нее —
никаких копеек.

Но *мы*
                    работаем,
                                    будто *мы*
делаем
                    величайшую эпопею.
Мы будем работать,
                                    всё стерпя,
чтоб жизнь,
                                    колёса дней торопя,
бежала
                    в железном марше
в *наших* вагонах,
                                    по *нашим* степям,
в города
                    промерзшие
                                    наши.

„Дяденька,
                    что вы делаете тут,
сколько
                    больших дядей?“
— Что?
                    Социализм:
                                    свободный труд
свободно
                    собравшихся людей.

9

Перед нашею
                                    республикой
  стоят богатые.
  Но как постичь ее?
И вопросам
                                    разнедоуменным
  нет числа:
„Что это
                    за нация такая
  „социалистичья“,
и что это за
                                    „соци-
  алистическое отечество“?

Мы
восторги ваши
понять бессильны.
Чем восторгаются?
Про что поют?
Какие такие
фрукты-апельсины
растут
в большевицком вашем
раю?
Что вы знали,
кроме хлеба и воды, —
с трудом
перебиваясь
со дня на день?
Такого отечества
такой дым
разве уж
настолько приятен?
За что вы
идете,
если велят —
„воюй“?
Можно
быть
разорванным бомбищею,
можно
умереть
за землю за *свою*,
но как
умирать
за общую?
Приятно
русскому
с русским обняться, —
но у вас
и имя
„Россия“
утеряно.
Что это за
отечество
у забывших об нации?

Какая нация у вас?
Коминтерина?
Жена,
да квартира,
да счет текущий —
вот это
отечество,
райские кущи.
Ради бы
вот
такого отечества,
мы понимали б
и смерть
и молодёчество“.

Слушайте,
национальный трутень, —
день наш
тем и хорош, что труден.
Эта песня
песней будет
наших бед,
побед,
буден.

10

Политика
проста,
как воды глоток.
Понимают,
ощерившие
сытую пасть,
что если
в Россиях
увязнет коготок,
всей
буржуазной птичке —
пропасть.

Из „сюртэ жєнераль“,
из „интєллидженс сєрвис“
„дефєнзивы“
и „сигуранцы“, *
выходит
разная
сволочь и стерва,
шьєт
шинели
цвєта сєрого,
бомбы
кладєт
в ранцы.
Набились в трюмы,
палубы обсєли
на дєньги
вєрбовочного агєнтства.
В Новоросийск
плывут из Марсєля, *
из Дувра *
плывут к Архангєльску.
С пєсней,
с вйски,
сыты по-свински.
Килями
вскопаны
воды холодные.
Смотрят
перископами
лодки подводные.
Плывут крейсєра,
снаряды соря.
И
миноносцы
с минами нєсятся.
А
поверх
всєх
с пушками
чудовищной длинноты
сверх-
дрєдноуты.

А кому
на суше
грабить охота,
те
с кораблей
сходили пехотой.
— На море потопим,
на суше
потопаем. —
Чужими
руками
жар гребя,
дым
отечества
пускают,
пострёлины —
выставляют
впереди
одураченных ребят,
баранов
и князей недорасстрелянных.
Могилы копайте,
гроба копите, —
Юденича*
рати
прут
на Питер.
В обозах
ёды вкусят:
консервы —
пуд.
Танков
гусеницы
на Питер
прут.
От севера
идет
адмирал Колчак,*
сибирский
хлеб
сапогом толча.

Спросите,
                    как —
Двина-река,
кровью
                    крашенная,
трупы
                    вытая,
с кладью
                    страшною
шла
                    в Ледовитый.
Как храбрецы
                    расстреливали кучей
коммуниста
                    одного,
                    да и тот скручен.
Как офицера
                    его
                    величества
бежали
                    от выстрелов,
                    берег вычистя.
Как над серыми
                    хатами
                    огненные перья
и руки
                    холёные
                    туго
                    у горл.
Но...
                    „итс э лонг уэй
                    ту Типерери,
итс э лонг уэй
                    ту гб!“ *
На первую
                    республику
                    рабочих и крестьян,

сверкая
                     выстрелами,
                                     штыками блестя,
 гнали
             армии,
                     флоты катили
 богатые мира,
                     и эти
                                     и те...
 Будьте вы прокляты,
             прогневшие
             королевства и демократии,
 со своими
                     подмоченными
             „фратэрнитэ“ и „эгалитэ“! *
 Свинцовый
                     льется
                                     на нас
   кипятков.
 Одни мы —
                     и спрятаться негде.
 „Янки
             дудль
                     кип ит об,
 Янки дудль дэнди“. *
 Посреди
                     винтовок
                                     и орудий голосяща
 Москва —
                     островком,
                                     и мы на острове.
 Мы —
             голодные,
                     мы —
                                     нищие,
 с Лениным в башке
                     и с наганом в руке.

Несется

жизнь,
оувеевая,
проста,
суха.
Живу
в домах Стахеева я,
теперь
Везсенха. *
Свезли,
винтовкой звякая,
богатых
и кассы.
Теперь здесь
всякие
и люди
и классы.
Зимой
в печурку-пчелку
суют
тома шекспирьи.
Зубами
щелкают,
картошка —
пир им.
А летом
слушают асфальт,
с копейками
в окне:
— Трансваль,
Трансваль,
страна моя,
ты вся
горишь
в огне! —
Я в этом
каменном
котле
варюсь,

и эта жизнь —
и бег, и бой,
и сон,
и тлен —
в домовьи
этажи
отражена
от пят
до лба,
грозою
омываемая,
как отражается
толпа
идущими
трамваями.
В пальбу,
присев
на корточки,
в покой,
глазами к форточке,
чтоб было
видней,
я
в комнатенке-лодочке
проплыл
три тыщи дней.

12

Ходят
спекулянты
вокруг Главтопа.
Обнимут,
зацелуют,
убьют за руп.
Секретарши
ответственные
валенками
топают.

За хлебными
карточками
стоят лесорубы.

Много
дела,
мало
горя им:
фунт
— целый! —
первой категории.

Рубят,
липовый
чай
выкушав.
— Мы
не Филипповы, *
мы —
привыкши.

Будет
обед,
будет
ужин, —
белых бы
вон
отбить от ворот.

Есть захотелось,
пояс —
потуже,
в руки винтовку
и
на фронт. —

А
мимо —
незаменимый,
стуча
сапогом,
идет за пайком —
правление
выдало
урюк
и повидло.

Богатые
ловче, —
едят
у Зунделовича. *
Ни шей,
ни каш —
бифштекс
с бульоном,
хлеб
ваш,
полтора миллиона.
Ученому
хуже:
фосфор
нужен,
масло
на блюдце.
Но
как нàзло
есть революция,
а нету
масла.
Они —
научные.
Напишут,
вылечат, —
мандат, собственноручный,
Анатолий Васильевича. *
Где
хлеб
да мясà,
придут
на час к вам.
Читает
комиссар
мандат Луначарского.
„Так...
сахар...
так...
жирок вам.

— Куда идешь?
— В уборную
иду.
На Ярославский. —
Как парус,
шуба
на весу,
воняет
козлом она.
В санях
полено везу,
забрал
забор разломанный.
Полено —
тушею,
тверже камня.
Как будто
вспухшее
колено
великанье.
Вхожу,
с бревном в обнимку.
Запотел,
вымок,
Важно
и чинно
строгаю перочинным.
Нож —
ржа.
Режу.
Радуюсь.
В голове
жар
подымает градус.
Зацветают луга,
май
поет
в уши, —
это
тянется угар
из-под черных вьюшек.

Четверо сосулек
свернулись,
                    уснули.
Приходят
                    люди,
ходят,
                    будят.
Добудились еле —
с углей
                    угорели.
В окно —
                    сугроб.
                    Глядит горбат.
Не вымерзли покамест?
Морозы
                    в ночь
                    идут, скрипят
снегами-сапогами.
Небосвод,
                    наклонившийся
  на комнату мою,
морем
                    заката
                    облёт.
По розовой
                    глади
                    моря,
  на юг —
тучи-корабли.
За гладь,
                    за розовую,
бросать якоря,
туда,
                    где березовые
дрова
                    горят.
Я
                    много
  в теплых странах плутал.

Но только
                    в этой зиме,
понятной
                    стала
                            мне
                                    теплота
любовей,
                    дружб
                            и семей.
Лишь лежа
                    в такую вот гололедь,
зубами
                    вместе
                            проляскав,
поймешь:
                    нельзя
                            на людей жалеть
ни одеяло,
                    ни ласку.
Землю,
                    где воздух,
                            как сладкий морс,
бросишь
                    и мчишь, колеса, —
но землю,
                    с которою
                            вместе мерз,
вовек
                    разлюбить нельзя.

14

Скрыла
                    та зима,
                            худа и строга,
всех,
                    кто навек
                            ушел ко сну.
Где уж тут словам!

И в этих

строках

боли

волжской

я не коснусь. *

Я

дни беру

из ряда дней,

что с тыщей

дней

в родне.

Из серой

полосы

деньки,

их гнали

годы-

водники —

не очень

сытенькие,

не очень

голодненькие.

Если

я

чего написал,

если

чего

сказал, —

тому виной

глаза-небеса,

любимой

моей

глаза.

Круглые

да карие,

горячие

до гари.

Телефон

взбесился шалый,

в ухо
                    грохнул обухом:
карие
                    глазйща
                                    сжала
голода
                    опухоль.
Врач наболтал —
чтоб глаза
                    глазели,
нужна
                    теплота,
нужна
                    зелень.
Не домой,
                    не на суп,
а к любимой
                    в гости
две
                    морковинки
                                    несу
за зеленый хвостик.
Я
                    много дарил
                                    конфет да букетов,
но больше
                    всех
                                    дорогих даров
я помню
                    морковь драгоценную эту
и пол-
                    полена
                                    березовых дров.
Мокрые,
                    тощие
подмышкой
                    дровйнки,
чуть
                    потолще
средней бровйнки.
Вспухли щеки.
Глазки —
                    щелки.

Зелень
и ласки
выходили глазки.
Больше
блюдца,
смотрят
революцию.

Мне
легше, чем всем, —
я
Маяковский.
Сижусь
и ем
кусочек
конский.
Скрип —
дверь,
плача.

Сестра
младшая.
— Здравствуй, Володя!
— Здравствуй, Оля!
— Завтра новогодие —
нет ли
соли? —
Делю,
в ладонях вешаю
щепотку
отсыревшую.
Одолевая
снег
и страх,
скользит сестра,
идет сестра,
бредет
трехверстной Преснею,*
солить
картошку пресную.
Рядом
мороз
шел
и рос.

Затевал
щекотку —
отдай
щепотку.
Пришла,
а соль
не валится —
примерзла
к пальцам.
За стенкой —
шарк:
„Иди,
жена,
продай
пиджак,
купи
пшеницу“.
Окно, —
с него
идут
снега,
мягка
снегов,
тиха
нога.
Бела
гола
столиц
скала.
Прилип
к скале
лесов
скелет.
И вот
из-за леса,
небу в шаль,
вползает
солнца
вша.

Декабрьский
                    рассвет,
                                    изможденный
  и поздний,
встает
            над Москвой,
                                    горячкой тифозной.
Ушли
            тучи
к странам
                    тучным.
За тучей
            бёрегом
лежит
            Америка.
Лежала,
            лака́ла
кофе,
            какао.
В лицо вам,
                    толще
                                    свиных причуд,
круглей
            ресторанных блюд,
из нищей
            нашей
                    земли
                                    кричу:
— Я
            землю
                    эту
                                    люблю!
Можно
            забыть,
                    где и когда
пузы растил
            и зобы,
но землю,
            с которой
                                    вдвоем голодал,
нельзя
            никогда
                    забыть!

Под ухом
 самым
 лестница
 ступенек на двести, —
 несут
 минуты-вестницы
 по лестнице
 вести.
 Дни пришли
 и топали:
 — Дожили,
 вот вам, —
 нету
 топлив
 брюхам
 заводовым.
 Дымом
 небесный
 лак помутив,
 до самой трубы,
 до носа
 локомотив
 стоит
 в заносах.
 Положив
 на валенки
 цветные заплаты,
 из ворот,
 из железного зёва,
 снова
 шли,
 ухватясь за лопаты,
 все,
 кто мобилизован.
 Вышли
 за лес,
 вместе
 взялись.

Я ли,
     вы ли,
 откопали, вырыли.
 И снова
     поезд
         кàтит
 за снежную
     скатерть.
 Слабеет
     тело
 без ед
     и питья.
 Носилки сделали,
 руки
     сплетя.
 Теперь,
     запевай,
         и домой можно —
 да на руки
     положено
 пять обмороженных.
 Сегодня,
     на лестнице
         грязной и тусклой,
 копались
     обывательские
         слухи-свиньи.
 — Деникин *
         подходит
             к сàмой
                 к тульской,
 к пороховой
     сердцевине. —
 Обулись обыватели,
         по пыли печатают
 шопотоголосые
     кухарочьи хоры:
 — Будет...
         крупичатая!..
         пуды непчатые...
 ручьи-чай,
     сухари,
         сахары.

Бли-и-и-зко беленькие,
 береги кѣренки! —
 Но город
                                 проснулся,
   в плакаты кадрѳванный,
 это
                 партия звала:
   „Пролетарий, на коня!“
 И красные
                                 скачут
   на юг
   эскадроны —
 Мамонтова *
                                 нагонять.
 Сегодня
                                 день
   вбежал второпях,
 криком
                                 тишь
   порвав,
 простреленным .
   легким
   часто хрипя,
 упал
                 и кончался,
   кровав.
 Кровь
                                 по ступенькам
   стекала на пол,
 стыла
                                 с пылью пополам,
 и снова
                                 на пол
   каплями
   капала,
 из-под пули,
   Каплан. *
 Четверолапые
   зашагали,
 визг
                                 шел
   шакалий.

Салоп
говорит
чуйке,
чуйка
салопу: *
— Заерзали
длинноносые щуки!
Скоро
всех
слопают! —
А потом
топырили
глаза-тарелины
в длинную
фамилий
и званий тропу.
Ветер
сдирает
списки расстрелянных,
рвет,
закручивает
и пускает в трубу.
Лапа
класса
лежит на хищнике, —
Лубянская
лапа
Че-Ка. *
— Замрите, враги!
Отойдите, лишненькие!
Обыватели!
Смирно!
у очага! —
Миллионный
класс
вставал за Ильича,
против
белого
чудовища клыкастого,

и вливалось
                                в Ленина,
  леча,
этой воли
                                лучшее лекарство.
Хоронились
                                обыватели
  за кухни,
  за пеленки.

— Нас не трогайте,
                                мы — цыпленки.

Мы только мошки,
мы ждем кормежки.
Закройте,

                                время,
  вашу пасть!

Мы обыватели,
нас обувайте вы,
и мы
                                уже
  за вашу власть. —

А утром
                                небо —
  веча звонница!

Вчерашний
                                день
  виня во лжи,
расколоколивали
  птицы и солнце:

жив,
                                жив,
  жив,
  жив!

И снова
                                дни,
  чередой заводной,
сбегались
  и просили:

— Идем
                    за нами —
                                    „еще
  одно
усилье“.
От боя к труду,
                                    от труда
  до атак, —
в голоде,
                    в холоде
                                    и наготе
держали
                    взятое,
                                    да так,
что кровь
                    выступала из-под ногтей.
Я видел
                    места,
                                    где инжир с айвой
росли
                    без труда
                                    у рта моего, —
к таким
                    относишься
                                    иначе.
Но землю,
                    которую
                                    завоевал
и полуживую
                    вынянчил,
где с пулей встань,
                    с винтовкой ложись,
где каплей
                    льешься с массами, —
с такою
                    землею
                                    пойдешь
  на жизнь,
на труд,
                    на праздник
                                    и на смерть!

Мне

рассказывал
 тихий еврей,
 Павел Ильич Лавут: *
 „Только что
 вышел я
 из дверей,
 вижу —
 они плывут...“
 Бегут
 по Севастополю
 к дымящим пароходам.
 За день
 подметок стопали,
 как за год похода.
 На рейде
 транспорты
 и транспортчики,
 драки,
 крики,
 ругня,
 мотня, —
 бегут
 добровольцы,
 задрав порточки,
 чистая публика
 и солдатня.
 У кого —
 канарейка,
 у кого —
 роялина,
 кто со шкафом,
 кто
 с утюгом.
 Кадеты —
 на что уж
 люди лойяльные, —
 толкались локтями,
 крыли матюгом.

Трижды
                                 землю
   поцеловавши,
 трижды
                                 город
   перекрестил.
 Под пули
                                 в лодку прыгнул...
   — Ваше
 превосходительство!
   грести?
   — Грести! —
 Убрали весло.
 Мотор
                                 заторкал.
 Пошла
                                 веселò
 к „Алмазу“
   моторка.
 Пулей
                                 пролетела
   штандартная яхта.
 А в транспортах-галошинах
   далеко
   сзади
 тащились,
   оторванные
   от станка и пахот,
 узлов
                                 полтора
   накручивая за день.
 От родины
                                 в лапы турецкой полиции,
 к туркам в дыру,
   в Дарданеллы узкие
 плыли
                                 завтрашние галлиполийцы,*
 плыли
                                 вчерашние русские.
 Впе-
                                 реди
   година на године.

Каждого
                  трясись,
                                который в каске.
Будешь
                  доить
                                коров в Аргентине,
будешь
                  мереть
                                по ямам африканским.
Чужие
                  волны
                                качали транспорты,
флаги
                  с полумесяцем
  бросались в очи,
и с транспортов
                                за яхтой
  гналось:
  „Аспиды,
сперли казну
                                и удрали, сволочи“.
Уже
                  экипажам
                                оберегаться
пули
                  шальной
                                надо.
Два
                  миноносца-американца
стояли
                  на рейде
                                рядом.
Адмирал
                  трубой обвел
стреляющих
                                гор
  край:
— Ол
                  райт. * —

И ушли,
в хвосте отступающих свор, —
орудия на город,
курс на Босфор.
В духовках солнца
горы
жаркое.
Воздух
цветы рассиропили.
Наши
с песней
идут от Джанкоя, *
сыпятся
с Симферополя.
Перебивая
пуль разговор,
знаменами
бой
овевая,
с красными
вместе
спускается с гор
песня
боевая.
Не гнулась,
когда
пулеметом крошило,
вставала,
бесстрашная,
в дожде-свинце:
„И с нами
Ворошилов,
первый красный офицер“.
Слушают
пушки,
морские ведьмы,
у-
ле-
петывая
во винты во все,

как сыпется с гор — „готовы умереть мы
за Эс Эс Эс Эр!“

Начштаба

морщит лоб.

Пальцы

корявой руки

буквы

непослушные гнут:

„Врангель

оп-

раки-

нут

в море.

Пленных нет“.

Покамест —

точка. Конец

и телеграмме

и войне.

Вспомнили —

недопахано,

недожато у кого,

у кого

доменные

топки да зори.

И пошли,

отирая пот рукавом,

расставив

на вышках

дозоры.

17

Х

валить не заставят

ни долг,

ни стих

всего,

что делаем мы.

Я

пол-отечества мог бы

снести,

а пол —
отстроить, умыв.
Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.
Я
планов наших
люблю громадьё,
размаха
шаги саженьи.
Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.
Я вижу —
где сор сегодня гниет,
где только земля простая,
на сажень вижу, —
из-под нее
коммуны
дома
прорастают.
И меркнет
доверье
к природным дарам
с унылым
пудом сенца,

Сюда,
    под траур
                    и плеск чернофлажий,
пока
    убитого
                    кровь горяча, —
бежал,
    от тревоги,
                    на выстрелы вражьи,
молчать
    и мрачнеть,
                    кричать
                    и рычать.
Я
    здесь
        бывал
                    в барабанах стучащих
и в мертвом
        холоде
                    слез и льдин,
а чаще еще —
просто
    один.
Солдаты башен
                    стражей стоят,
подняв
    свои
        островерхие шлемы,
и, злобу
        в башках куполов
                    тая,
притворяются
                    церкви,
                    монашьи шельмы.
Ночь —
    и на головы нам
луна.
Она
    идет
        оттуда откуда-то...
оттуда,
    где
        Совнарком и ЦИК, *

Кремля
кусок
от ночи откутав,
переползает
через зубцы.
Вползает
на гладкий
валун,
на секунду
склоняет
голову,
и вновь
голова-лунь
уносится
с камня
гололого.
Место лобное * —
для голов
ужасно неудобное.
И лунным
пламенем
озарена мне
площадь
в сияньи,
в яви
в денной...
Стена.
И женщина со знаменем
склонилась
над теми,
кто лег под стеной.
Облил
булыжники
лунный никель,
штыки
от луны
и тверже
и злей,
и
как нагроможденные книги —
его
мавзолеей.

Но в эту
дверь
никакая тоска
не втянет
меня,
черна и вязка, —
души
не смущу
мертвизной, —
он бьется,
как бился
в сердцах
и висках,
живой
человечьей весной.
Но могилы
не пускают, —
и меня
останавливают имена.
Вот с этим
виделся
чуть не за час.
Смеялся.
Снимался около...
И падает
Войков,*
кровью сочась,
и кровью
газета намокла.
За ним
предо мной,
на мгновенье короткое,
такой,
с каким
портретами сжились, —
в шинели измятой,
с острой бородкой,
прошел
человек,
железен и жилист.

Юноше,
обдумывающему —
жизнь,
решающему —
сделать бы жизнь с кого,
скажу,
не задумываясь:
— Делай ее,
с товарища
Дзержинского.* —
Кто костями,
кто пеплом
стенам под стопу
улеглись...
А то
и пепла нет.
От трудов,
от каторг
и от пуль,
и никто
почти —
от долгих лет.
И чудится мне,
что на красном погосте
товарищей
мучит
тревоги отравы.
По пеплам идет,
сочится по кости,
выходит
на свет
по цветам
и по травам.
И травы
с цветами
шуршат в беспокойстве:
— Скажите —
вы здесь?
Скажите —
не сдали?
Идут ли вперед?
Не стоят ли? —
Скажите.

Достроит
                         коммуну
   из света и стали
 республики
                         вашей
   сегодняшний житель? —
 — Тише, товарищи, спите...
 Ваша
                         подросток страна
 с каждой
                         весной
   ослепительней,
 крепнет,
                         сильна и стройна. —
 И снова
                         шорох
   в пепельной вазе,
 лепечут
                         венки
   языками лент:
 — А в ихних
                         черных
   Европах и Азиях
 боязнь,
                         дремота и цепи?
   — Нет!
 В мире
                         насилия и денег,
 тюрем
                         и петель витья, —
 ваши
                         великие тени
 ходят,
                         будя
   и ведя. —
 — А вас
                         не тянет
   всевластная тина?
 Чиновность
                         в мозгах
   паутину
   не свила?

Скажите —
                    цела?
                    Скажите —
                                    едина?
Готова ли
                    к бою
                                    партийная сила? —
— Спите,
                    товарищи, тише...
Кто
            ваш покой отберет?
Встанем,
                    штыки ошетинивши,
с первым
                    приказом:
                            „Вперед!“

19

Я

            земной шар
чуть не весь
                            обошел, —
и жизнь
                    хороша,
и жить
                    хорошо.
А в нашей буче,
                            боевой, кипучей,
и того лучше.
Вьется
                    улица-змея.
Домà
                    вдоль змеи.
Улица —
                    моя.
Домà —
                    мои.

Окна
    разинув,
стоят
    магазины.
В окнах
    продукты,
вина,
    фрукты.
От мух
    кисея.
Сыры
    не засижены,
Лампы
    сияют.
„Цены
    снижены“.
Стала
    оперяться
моя
    кооперация.
Бьем
    грошом.
Очень хорошо.
Грудью
    у витринных
                    книжных груд.
Моя
    фамилия
                    в поэтической рубрике.
Радуюсь я —
            это
            мой труд
вливается
    в труд
            моей республики.
Пыль
    взбили
            шиной губатой, —
в моем
    автомобиле
мои
    депутаты.

В красное здание
на заседание.
Сидите,
                    не советейте
в моем
                    Моссовете.
Розовые лица.
Револьвер
                    желт.
Моя
                    милиция
меня
                    бережет.
Жезлом
                    правит,
чтоб вправо
                    шел.
Пойду
                    направо.
Очень хорошо.
Надо мною
                    небо —
синий
                    шелк.
Никогда
                    не было
так
                    хорошо!
Тучи-
                    кочки
переплыли летчики.
Это
                    летчики мои.
Встал,
                    словно дерево я.
Всыпят,
                    как пойдут в бои,
по число
                    по первое.
В газету
                    глаза:
— Молодцы вѣнцы!*

Буржуям
                    под зад
наддают
                    коленцем.
Суд
                    жгут.
Зер
                    гут!
Идет
                    пожар
сквозь бумажный шорох.
Прокуроры
                    дрожат.
Как хорошо!
Пестрит
                    передовица
угроз паршой.
Чтоб им подавиться!
Грозят?
                    Хорошо.
Полки
                    идут
у меня на виду.
Барабану
                    в бока
бьют
                    войска.
Нога
                    крепка,
голова
                    высока.
Пушки
                    возятся, —
идут
                    краснозвёздцы.
Приспособил
                    к маршу
такт ноги:

вра-
    ги
        ва-
            ши —
мо-
    и
        вра-
            ги.
Лезут?
        Хорошо.
Сотрем
        в порошок.
Дымовой
        дых
            тяг.
Воздуха береги.
Пых-дых,
        пых-
            тят
мои фабрики.
Пыши,
        машина,
                шибче-ка,
вовек чтоб
        не смолкла, —
побольше
        ситчика
моим
        комсомолкам.
Ветер
        подул
в соседнем саду,
в ду-
        хах
            про-
                шел.
Как хо-
        рошо!
За городом —
        поле.
В полях —
        деревеньки.

В деревнях —
крестьяне.

Бороды —
веники.

Сидят
папаши.

Каждый
хитр.

Землю попашет,
попишет
стихи.

Что ни хутор,
от ранних утр
работа любá.
Сеют,

пекут
мне
хлебá.

Доят,
пашут,
ловят рыбицу.
Республика наша
строится,
дыбится.

Другим
странам
пó сто.

История —
пастью грóба.

А моя
страна —
подросток, —
твори,
выдумывай,
пробуй!

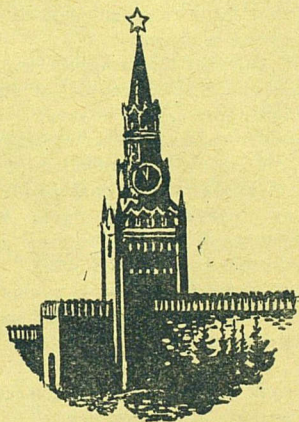
Радость прет.
Не для вас
уделить ли нам?!

Жизнь прекрасна
и
удивительна.

Лет до ста
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости.

1927 г.

ПОЭМА В. МАЯКОВСКОГО „ХОРОШО!“

Поэма „Хорошо!“ была написана Маяковским в 1927 году в честь десятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Маяковский работал над поэмой в период восстановления народного хозяйства и перехода к эпохе сталинских пятилеток. Славная история первого революционного десятилетия и определила содержание поэмы.

С первых дней Октября Маяковский отдал свой талант художника на служение социалистической Родине и выступил революционером-новатором в поэзии.

Созданием замечательных произведений социалистического искусства он заслужил всенародное признание. На передовую роль Маяковского в советской литературе, на значение его для советской культуры ясно указывает И. В. Сталин: „Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи“.

Поэма „Хорошо!“ является одним из лучших произведений социалистического реализма в советской поэзии и вместе с тем итогом творческих достижений поэта за десять лет революции.

Идейное богатство поэмы и ее художественные достоинства были определены изображением в ней замечательных достижений нашего народа, показавших всему миру могущество советского государства и несокрушимую морально-политическую силу советских людей.

Маяковский неуклонно придерживался принципа большевистской партийности в искусстве.

В начальных главах поэмы он раскрывает, на основе ленинско-сталинского учения о построении социализма в нашей стране, закономерность победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Во второй главе показано, что одним из условий, обеспечивших победу социалистической революции в Октябре 1917 года, был быстрый рост политической активности рабочих и крестьян в годы империалистической войны, сознание непримиримости интересов народа и эксплуататорских классов.

Средствами острой политической сатиры поэт раскрывает классовую природу буржуазного Временного правительства, разоблачает предательскую роль всех враждебных народу соглашательских партий.

Тема партийного руководства революционным народом была поставлена Маяковским в его знаменитой поэме „Владимир Ильич Ленин“. В поэме „Хорошо!“ эта тема получила дальнейшее развитие.

Партия большевиков изображена в поэме как вождь и организатор восставших рабочих, солдатских и крестьянских масс, как сила, завоевавшая авторитет и уважение народа задолго до октябрьских дней. Поэт подчеркивает глубокую народность ее политики.

Руководимая Лениным и Сталиным, партия организует народ в дни подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания, выдвигает и осуществляет лозунги, отвечающие коренным интересам миллионов трудящихся. Этому посвящены пятая, шестая и седьмая главы поэмы. В чеканном маршевом ритме выражает Маяковский волю партии и народа:

„За хлебом!
За миром!
За волей!
Бери
у буржуев
завод!
Бери
у помещика поле!
Братайся,
дерущийся взвод!“

Партийное руководство преодолевает стихийность в революционном движении крестьян и направляет крестьянские силы в единый отряд революционной армии.

„Этот вихрь,
от мысли до курка,

И постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды“.

Маяковский рисует в поэме не только великие события Октябрьской социалистической революции, но раскрывает также и духовную жизнь людей, закаленных в боях за социализм.

Во всех последующих главах поэмы — от восьмой до двенадцатой — основной становится тема советского патриотизма, рожденного социалистической революцией.

В послеоктябрьской поэзии Маяковского нет ни одного произведения, в котором отсутствовала бы эта тема, но поэма „Хорошо!“ является ее высшим художественным воплощением.

Маяковский рисует рождение нового человека — человека коммунистической морали, перед которым советский общественный строй открыл небывалые возможности вдохновенного творческого труда на свободной земле, героических подвигов и культурного развития.

Величественная картина коммунистического субботника (глава восьмая) показывает, как рождалось новое отношение к труду, который стал „делом чести, делом славы, делом доблести и героизма“, как в этом самоотверженном, радостном и суровом труде закалялась сталь большевистских характеров.

Словами коммунистов-рабочих, выполняющих здесь авангардную роль, поэт выражает мысли и чувства всего народа:

„... Мы
работаем,
будто мы
делаем
величайшую эпопею“.

Через всю поэму проходит мысль о том, что источником всенародного трудового героизма явилось уничтожение эксплуатации человека человеком.

По определению И. В. Сталина, одной из замечательных

черт Октябрьской революции было то, что „Класс наемных, класс гонимых, класс угнетенных и эксплуатируемых в первые в истории человечества поднялся до положения класса господствующего, заражая своим примером пролетариев всех стран.

Это значит, — писал далее И. В. Сталин, — что Октябрьская революция открыла новую эпоху, эпоху пролетарских революций в странах империализма“.¹ Из этой оценки международного характера Октябрьской революции исходит Маяковский, изображая новый этап в жизни советского государства — период гражданской войны (главы одиннадцатая — шестнадцатая).

Ярко рисует поэт всё возрастающее величие социалистической Родины в суровых испытаниях гражданской войны и позорный провал захватнических планов зарубежной буржуазии.

Тема советского патриотизма получает ярчайшее воплощение в заключительных лирических строфах глав: тринадцатой, четырнадцатой и пятнадцатой, где изображена сила и непобедимость героического народа.

Выражение любви поэта к своей Родине звучит в поэме, как художественное обобщение огромной социальной силы. В образе автора, поэта-агитатора, пламенного патриота своей Родины предстают лучшие типические черты советских людей.

Маяковский рассматривал свою поэму, как оружие в борьбе за торжество коммунизма, за освобождение от капиталистического рабства не только русского, но и всех народов мира. Ценность поэмы он видит в ее агитационной направленности, в силе ее морально-политического воздействия на читателей.

Борясь за утверждение в поэзии метода социалистического реализма, Маяковский отвергает способ бесстрастного, эпического повествования о событиях.

Он выступает новатором в области жанра исторической поэмы, решительно отказываясь от традиционного разделения поэзии на эпическую, лирическую и драматическую.

В поэме „Хорошо!“ Маяковский смело сочетает эпос, лирику и драму. Об этом он говорит в начальных строках вступления:

---

¹ И. В. Сталин. Международный характер Октябрьской революции. Вопросы ленинизма, Изд. 11-е, 1946 г., стр. 176.

„Ни былии,

ни эпосов,

ни эпопей.

... Это время гудит

телеграфной струной,

это

сердце

с правдой вдвоем.

Это было

с бойцами

или страной,

или

в сердце

было

в моем“.

С позиций партийного поэта, гражданина Советской Социалистической Республики, Маяковский подходит и к изображению событий Октябрьской революции, гражданской войны, послевоенного строительства, и к поэтическому воплощению своих личных переживаний, мыслей, стремлений. Думы и чувства поэта неотделимы от стремлений всего народа, от борьбы и побед советской страны.

Морально-политическое единство советских людей рисуется в поэме, как та вдохновляющая сила, которая делает народ непобедимым.

В лирических концовках глав тринадцатой, четырнадцатой и пятнадцатой автор раскрывает нравственное превосходство советского человека над ничтожными слугами капитала. Он показывает, как росла и крепла безграничная любовь к Родине у борцов за свободу, за счастье социалистического государства.

„Но землю,

которую завоевал

и полуживую

вынянчил,

где с пулей встань,

с винтовкой ложись,

где каплей

льешься с массами, —

с такою

землею

пойдешь

на жизнь,

на труд,

на праздник

и на смерть!"

Основная идея поэмы „Хорошо!“ — идея величия социалистической Родины — наиболее полно и ярко выражена в главах семнадцатой, восемнадцатой и девятнадцатой, тематически образующих третью часть поэмы. В этой части отражены успехи социалистического строительства и мирного труда в нашей стране.

Новое свидетельство величия эпохи, открытой Октябрьской революцией не только в жизни народов России, но и всего человечества, видит поэт в развитии индустрии и техническом вооружении сельского хозяйства, в бурных темпах коммунального строительства и в грандиозном размахе экономических планов, в невиданном расцвете науки, культуры и искусства, поставленных на службу народу.

Торжественным гимном, обращенным ко всем народам мира, раздается голос поэта-гуманиста, гордого завоеванным правом „на место в рабочем строю“, поэта, нашедшего источник вдохновения в великих достижениях страны победившего социализма:

„И я,

как весну человечества,
рожденную

в трудах

и в бою,

пою

мое отечество,

республику мою!“

Замечательное произведение социалистического реализма — поэма „Хорошо!“ изображает советское общество в процессе непрерывного развития, освещает перспективы борьбы за полную победу коммунизма. Эта черта определяет значение поэмы не только для периода ее создания, но и для наших дней.

Разоблачая порочность капитализма, преступность империалистских агрессоров, мещанскую ограниченность и эксплуататорскую сущность буржуазного национализма, Маяковский создал величественные картины жизни Советского Союза и ярко изобразил ведущую роль советского государства и коммунистической партии в судьбах трудящихся всех стран.

Поэма „Хорошо!“ — выдающееся произведение не только русской, но и мировой литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 7. Гучков — крупный промышленник, член Временного правительства. Ярый враг советской власти.

Стр. 7. Родзянко — крупный землевладелец, председатель Временного комитета Государственной думы. Активный участник контрреволюции.

Стр. 9. Растрелли Бартоломео — выдающийся архитектор, живший в России в XVIII веке.

Стр. 9. „...присяжный поверенный“ — Керенский. После Февральской революции — глава буржуазного Временного правительства.

Стр. 11. Корнилов — контрреволюционный генерал. Организованный Корниловым поход против революционного Петрограда в 1917 году окончился полным разгромом.

Стр. 12. Кушкова, Милюков — представители буржуазных партий, боровшихся против советской власти.

Стр. 13. Михаил Романов — брат свергнутого революцией царя Николая II.

Стр. 15. Аксельбанты — золотой, серебряный или нитяной наплечный шнур. Носили чины царской армии (адъютанты, штабные офицеры).

Стр. 15. „Селект“ — гостиница в Петрограде.

Стр. 17. Вильгельм — Вильгельм II, немецкий император, свергнутый в 1918 году революцией, вспыхнувшей в Германии.

Стр. 18. Каледин — атаман контрреволюционного казачества. Армия Каледина была разбита красногвардейцами.

Стр. 20. „Сам приехал...“ — Маяковский говорит о приезде В. И. Ленина в октябре 1917 года в Петроград для организации и руководства вооруженным восстанием.

Стр. 20. „...эту самую, Александр у Федоровну“. — Александра Федоровна — жена Николая II. Имя и отчество Керенского — Александр Федорович. Маяковский, сатирически обобщив оба имени, показывает, что революционному народу была так же враждебна власть Керенского, служившего интересам буржуазии, как и самодержавная власть.

Стр. 21. Кексгольмцы — солдаты Кексгольмского полка.

Стр. 21. Подвойский Н. И. — член Военнореволюционного комитета в Петрограде в дни Октябрьского вооруженного восстания.

Стр. 22. Павловцы — солдаты Павловского полка, участвовавшие в штурме Зимнего дворца.

Стр. 22. „Куда против нас бочкаревским дурам?“ — имеется в виду контрреволюционный женский батальон, охранявший Зимний дворец. Батальоном командовала Бочкарева.

Стр. 23. „...михайловцы или константиновцы“ — юнкера Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ.

Стр. 24. Прокопovich — министр Временного правительства, в ночь на двадцать шестое октября 1918 года не присутствовавший в Зимнем дворце.

Стр. 24. „Аврорьих башен сталь“. — Революционный крейсер „Аврора“ дал первый выстрел по Зимнему дворцу, послуживший сигналом к восстанию.

Стр. 24. Коновалов — крупный текстильный фабрикант, министр буржуазного Временного правительства.

Стр. 26. Анфилада — ряд комнат, расположенных по прямой линии.

Стр. 26. „...тринадцать...“ — имеются в виду тринадцать министров Временного правительства.

Стр. 30 Блок А. А. (1880–1921) — крупнейший русский поэт-символист. Описанная в поэме встреча Маяковского с Блоком произошла в первые дни революции.

Стр. 30. Футуристы — представители буржуазного направления в искусстве и литературе в начале XX века.

Стр. 39. „Сюртэ женераль“, „интёллидженс сёрвис“, „дефензивы“ и „сигуранцы“ — названия разведывательных органов Франции, Англии, Польши и Румынии.

Стр. 39. Марсель — французский порт. Отсюда отправлялись войска интервентов на юг Советской России.

Стр. 39. Дувр — английский порт, откуда отправлялись английские армии интервентов на север Советской России.

Стр. 41. Юденич — царский генерал, пытавшийся в 1919 году захватить революционный Петроград. Под руководством И. В. Сталина была организована оборона Петрограда и обеспечен разгром армии Юденича.

Стр. 41. Колчак — царский адмирал, ставленник иностранной буржуазии и русских монархистов в Сибири. Объявил себя „верховным правителем России“. Армия Колчака была разгромлена в конце 1919 года.

Стр. 42. Врангель — глава контрреволюционной армии в Крыму. В 1920 году Красная Армия, на основе указаний И. В. Сталина, овладела Перекопом и разгромила войска Врангеля.

Стр. 43. „итс э лонг уэй ту Типерери, итс э лонг уэй ту го!“ — начальные слова английской песенки „Долог путь до Типерери!“

Стр. 44. „Фратэрнитэ“ и „эгалитэ“! — лозунги французской буржуазной революции XVIII века: „братство, равенство“. Маяковский здесь имеет в виду лицемерных защитников лживой буржуазной демократии.

Стр. 44. „Янки дудль кип ит об, янки дудль дэнди“ — шуточная песенка американских солдат.

Стр. 45. „Живу в домах Стахеева я, теперь Веэсенха“. — Маяковский имеет в виду дом, в котором он жил в Москве на Лубянском проезде, принадлежавший ВСНХ (Высшему Совету Народного Хозяйства).

Стр. 47. Филиппов — известный до революции владелец булочных и кондитерских.

Стр. 48. „...едят у Зунделовича“ — столовая Зунделовича в доме, где жил Маяковский.

Стр. 48. Анатолий Васильевич — Луначарский, народный комиссар просвещения с 1917 по 1919 год.

Стр. 53. „...боли волжской я не коснусь“, — Маяковский говорит о голоде в Поволжье в 1921 году.

Стр. 55. „...бредет трехверстной Преснею...“ Красная Пресня — улица в Москве, где жили мать и сестры поэта.

Стр. 59. Деникин — царский генерал, командовавший в 1919 году контрреволюционной армией на юге России. Осенью 1919 года, на основе гениального плана, разработанного И. В. Сталиным, Красная Армия полностью разгромила войска Деникина.

Стр. 60. Мамонтов — командир конницы в армии Деникина.

Стр. 60. Каплан — контрреволюционерка, член партии эсеров, совершившая 30 августа 1918 года злодейское покушение на Ленина, когда Владимир Ильич выступал на митинге у рабочих завода быв. Михельсона (ныне завод имени Ильича).

Стр. 61. Чуйка — стеганый пиджак. Салоп — старомодная женская шуба.

Стр. 61. „Лубянская лапа Че-Ка“ — ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, созданная в 1918 году по инициативе В. И. Ленина. Находилась в Москве на Лубянской площади.

Стр. 64. Лавут П. И. — организатор выступления Маяковского в городах СССР в 1926–1930 годах.

Стр. 66. „...плыли завтрашние галлиполийцы“. — Имеются в виду остатки разбитой белогвардейской армии, бежавшей из Крыма в турецкую область Галлиполи.

Стр. 67. О л р а й т — очень хорошо (англ.).

Стр. 68. Джанкой — город и станция в северной части Крыма.

Стр. 74. Войков П. Л. — полномочный представитель СССР в Польше в 1924—1927 годах. Убит в Варшаве белогвардейцем в 1927 году. Маяковский виделся в Варшаве с товарищем Войковым незадолго до его смерти.

Стр. 75. Дзержинский Ф. Э. (1877—1926) — выдающийся деятель большевистской партии, верный соратник Ленина и Сталина, первый руководитель ВЧК и талантливый организатор социалистического строительства.

Стр. 79. „— Молодцы венцы!.. Суд жгут“. — Маяковский говорит о восстании венских рабочих в 1927 году. В ответ на оправдание судом фашистов, убивших двух рабочих, восставшие подожгли здание суда.

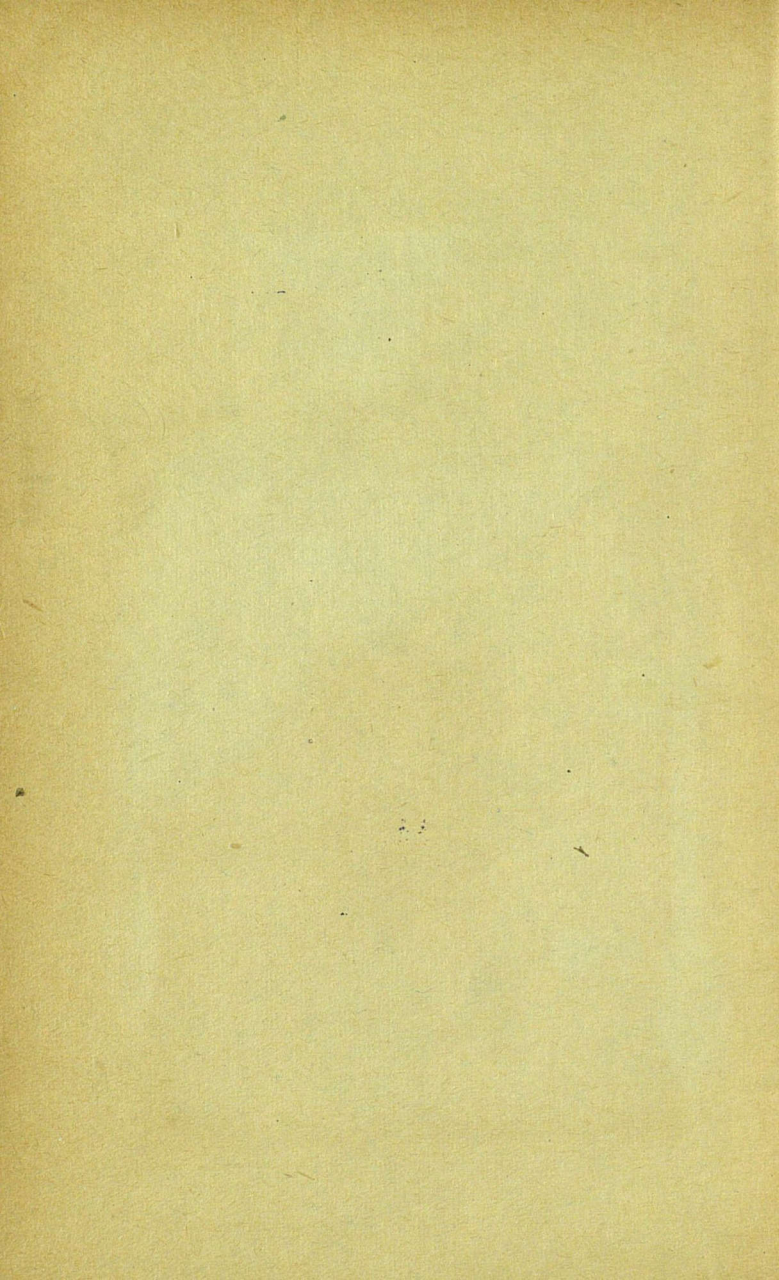

*Справка и примечания
И. Рождественской*

Для средней школы

Ответственный редактор **С. Шиллегодский.**

Художник-редактор **Ю. Киселев.**
Технич. редактор **Т. Лейкина.** Кор-
ректор **А. Петрова.** Печ. л. 6.
Уч.-изд. л. 5,02. Авт. л. 4,49. Тираж
50 000. М-17740. Подписано к печати
6/VI 1949 г. Заказ № 125.
2-я фабрика детской книги Детгиза
Министерства Просвещения РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7.

~~Прол. 1960~~

~~42323~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

К

2002

2 p.